

И. Тэн

**Новейшая английская
литература в современных ее
представителях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Тэн**
Новейшая английская литература в современных ее представителях / И. Тэн –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 392 с.

ISBN 978-5-458-15963-0

ISBN 978-5-458-15963-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

всеобщему принципу, который различными человеческими умами, другъ друга и практически провѣрившими, заимствованъ изъ опытнаго изученія и изъ возникшаго соглашенія ихъ между собою.

Какое бы мнѣнiе ни составлялось объ этихъ доктринахъ и направленіяхъ, я не думаю, чтобы имъ можно было отказать въ самостоятельности и оригинальности. Это живыя и живучія насажденія. — Шестъ писателей, разобранныхъ въ этомъ томѣ, высказали о Богѣ, вселенной, человѣкѣ, наукѣ, религіи, объ искусствѣ и нравственности идеи глубокія и сильныя. Только три націи въ Европѣ способны породить подобныя идеи — Англія, Германія и Франція. Въ предлагаемомъ трудѣ мы рассмотримъ, разберемъ и сравнимъ идеи Англіи съ идеями двухъ другихъ мыслящихъ странъ.

И. Тэнъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

СОВРЕМЕННОСТИ.

ГЛАВА I.

Романъ.—Диккенсъ.

§ 1. Писатель.

I. Связь различных частей каждаго таланта.—Важность способа представленія.

II. Ясность и сила представленія у Диккенса.—Смѣлость и пылкость его фантазій.—Какъ олицетворяетъ и выражаетъ онъ предметы неодушевленные.—Въ чемъ выражается у него связь зарожденія мысли съ ея опредѣленіями.—Что близитъ ее съ манією.—Какъ онъ рисуетъ людей въ галлюцинаціи и сумашедшихъ.

III. Что затрогиваетъ его всего болѣе.—Его недостатки и его мелочность.—Въ чемъ сходенъ онъ съ писателями своего отечества.—Его отличіе отъ Жоржъ-Зандъ.—Miss Ругъ и Женевьева.—Поѣздка въ дилжансъ.

IV. Сильное впечатлѣніе, производимое подобнаго рода представленіями.—Его чувствительность.—Работникъ Стефенъ.—Его комизмъ.—Почему доходитъ онъ до шутки и каррикатуры.—Нервная возбужденность его веселости.

§ 2. Общество.

I. Англійскій романъ долженъ быть правдивъ.—Какъ видоизмѣняется отъ этого идея любви.—Сравненіе любви у Жоржъ-Зандъ и у Диккенса.—Образъ молодой дѣвушки и жены.

II. Какъ видоизмѣняется отъ этого идея страсти.—Сравненіе страсти у Бальзака и у Диккенса.

III. Неудобства, отсюда вытекающія.—Личности пошлыя и комичныя заступаютъ мѣста естественныхъ лицъ.—Сравненіе Пекснифа и Тартюфа.— Почему у Диккенса нѣтъ единства дѣйствія.

§ 3. Дѣйствующія лица.

I. Два рода дѣйствующихъ лицъ.—Характеры естественные и истинныя.—Характеры искусственные и положительные.—Пристрастіе Диккенса къ первымъ.—Его отвращеніе ко вторымъ.

II. Личемъръ.—М. Пекснифъ.—Что въ немъ присущаго англичанину.— Сравненіе Пекснифа съ Тартюфомъ.—Положительный человѣкъ.—М. Градгрендъ.—Гордецъ.—М. Домби.—Что въ этихъ характерахъ англійскаго.

III. Дѣти.—Ихъ мѣтъ во французской литературѣ.—Маленькій Джошъ и Давидъ Конперфильдъ.—Лица изъ народа.

IV. Личность идеальная по Диккенсу.—Въ чемъ она соответствуетъ потребности общества.—Въ Англійи природа поставлена въ противорѣчіе съ искусствомъ.—Чувствительность и недостатокъ врожденнаго чувства соглашены на примѣрахъ.—Мнѣніе о Диккенсѣ.

Умри Диккенсъ и биографію его написать не трудно ¹⁾. На другой же день, послѣ похоронъ знаменитаго человѣка, друзья и враги его принимаются за работу. Школьные товарищи рассказываютъ въ журналахъ объ его дѣтскихъ шалостяхъ; другіе точно, почти слово-въ-слово, вспоминаютъ свои разговоры съ нимъ, бывшіе лѣтъ за двадцать пять назадъ. Уполномоченный отъ наслѣдниковъ составляетъ цѣлый реестръ его привидѣній, назначеній, чиселъ и цифръ, и рассказываетъ интересующимся читателямъ о значеніи его общественнаго положенія и исторію его карьеры; его дальніе родственники

¹⁾ Книга Тэна написана въ 1868 г. при жизни Диккенса, который умеръ 9-го іюня 1870 г. На русскомъ языкѣ есть двѣ небольшія біографіи послѣдняго—*Шулгина*, при отдѣльномъ изданіи замогильныхъ записокъ Пинвикскаго клуба изд. 1871 г.,—и П. И. *Вейнберга*, Дѣтство и первая молодость Диккенса, составлено по Фостеру, помѣщ. въ журналѣ „Пчела“ за 1875 г. №№ 20, 21 и 22.—*Примѣч. перевод.*

и—что называется—свои люди публикуютъ дѣльные списки его добрыхъ дѣяній и полный каталогъ его семейныхъ добродѣтелей. Если въ его семьѣ нѣтъ литературнаго таланта, то таковой отыскивается между учеными Оксфорда, человѣкъ добросовѣстный и свѣдущій, изучающій покойнаго, какъ какого-нибудь греческаго писателя; онъ отыскиваетъ кучу матеріала, снабжаетъ его безчисленнымъ множествамъ комментаріевъ, приправляетъ все это массой разсужденій, и лѣтъ десять спустя, въ одинъ изъ Рождественскихъ праздниковъ, передаетъ онъ собранной семьѣ три, четыре тома, страницъ по восьми-сотъ въ кажды, своего произведенія, написаннаго слогомъ, способнымъ усыпить любого нѣмца изъ Берлина.—Его обнимаютъ со слезами на глазахъ, за нимъ ухаживаютъ, онъ служитъ лучшимъ украшеніемъ праздника, а его трудъ отсылаютъ въ „Эдинбургское Обзорѣніе“. Тамъ приходятъ въ ужасъ отъ такого гигантскаго подарка и отдаютъ его подъ редакцію одному изъ молодыхъ, нелюбящихъ стѣсняться, сотрудниковъ, который и составляетъ, по оглавленію присланнаго труда, кое-какое жизнеописаніе.—Другое преимущество біографій лицъ умершихъ то, что сами они не могутъ обличать ни біографа, ни редактора.

Къ несчастію, Диккенсъ живъ еще и опровергаетъ свои біографіи.—Хуже же всего то, что онъ самъ желаетъ быть собственнымъ біографомъ. Его переводчикъ просилъ его однажды, дать ему кое-какія свѣдѣнія о себѣ, онъ отвѣчалъ, что сохраняетъ ихъ для себя.—Безъ сомнѣнія, что Давидъ Копперфильдъ, его лучший романъ, носитъ на себѣ характеръ исповѣди; но гдѣ она кончается, гдѣ граница между вымысломъ и дѣйствительностью? Все чтó извѣстно, или, вѣрнѣе, чтó повторяютъ, это то, что Диккенсъ родился въ 1812 году, что онъ сынъ стенографа, самъ былъ прежде стенографомъ, что онъ былъ бѣденъ и несчастливъ въ молодости, и что своими романами, изданными отдѣльно, онъ приобрѣлъ и большое состояніе и громадную репутацію.—О дальнѣйшемъ читатель можетъ думать чтó ему угодно, пока Диккенсъ самъ не скажетъ ему о себѣ, написавъ свои мемуары. До тѣхъ поръ онъ замыкаетъ за собою дверь и оставляетъ за порогомъ слишкомъ любопытныхъ. И это его право. Можно стать знаменитымъ, но не сдѣлаться оттого собственностью общества; никто не обязанъ вы-

сказываться; самостоятельность остается при себѣ; онъ умалчиваетъ о томъ, о чемъ считаетъ нужнымъ умолчать. Отдавать читателямъ свои произведенія, не значитъ отдавать имъ свою жизнь. Итакъ, удовольствуемся тѣмъ, что далъ намъ Диккенсъ. Сорокъ томовъ слишкомъ достаточно, чтобы узнать человѣка; а они открываютъ намъ все, что намъ необходимо знать о немъ. Не по обстоятельствамъ своей жизни сталъ онъ знаменитъ, а благодаря своему таланту, который вылился въ его произведеніяхъ. Геній человѣческій подобенъ часовому механизму: у него свое строеніе, и, среди всѣхъ его частей, есть одинъ общій двигатель. Отыщите этотъ двигатель, покажите, какъ онъ сообщаетъ движеніе всему остальному, слѣдите за этимъ движеніемъ шагъ за шагомъ до точки его прикосновенія. Эта внутренняя исторія генія вовсе не зависитъ отъ внѣшней исторіи человѣка, а одно стоитъ другого.

§ I Писатель.

При оцѣнкѣ каждаго писателя необходимо поставить первымъ вопросъ: какъ смотритъ онъ на вещи? Каковы характеръ и сила его возрѣнія, каковы его стремленія? Отвѣтъ на это заранѣе опредѣляетъ все его произведение: онъ высказывается въ каждой строкѣ и до конца сохраняетъ первоначальное направленіе. Отвѣтъ на это заранѣе опредѣляетъ всю силу его таланта: у романиста *представленіе* составляетъ главнѣйшую его способность; искусство сочинять, хорошій вкусъ, чувство справедливости подчинены степени представленія; одинъ градусъ большаго напряженія уничтожаетъ его манеру писать, измѣняетъ созданные имъ характеры, разрушаетъ начерченный планъ.—Примѣните это къ Диккенсу и вы получите причины его ошибокъ и заслугъ, его могущества и недостатковъ.

I.

Диккенсъ—художникъ и художникъ-англичанинъ. Я думаю, что никакое воображеніе никогда не рисовало себѣ картинъ болѣе точныхъ въ подробностяхъ, болѣе выдержанныхъ и въ частностяхъ и въ силѣ красокъ. Прочтите это описаніе бури; изображенія точно сняты дагерротипомъ при ослѣпительномъ освѣщеніи молніи: „Взглядъ, также быстрый какъ сама молнія, при каждомъ ея проблѣксѣ, видѣлъ такое множество предметовъ, какое онъ не замѣчалъ, и при дневномъ свѣтѣ, въ пятьдесятъ разъ болѣе прѣжее время: онъ видѣлъ колокола на колокольнѣ съ веревкою и ко-

„лесомъ, заставлявшими ихъ звонить; раззоренныя гнѣзда птицъ въ темныхъ закоулкахъ и на карнизахъ; полныя ужаса лица внутри экипажей, несомыхъ испуганными лошадьми съ трескомъ, заглушавшимъ громъ; бороны и телѣги, брошенныя на поляхъ; участки и снова участки земли, изрѣзанные изгородами и вдалькѣ окаймленные деревьями, такъ же ясно видимыми, какъ пугало, поставленное отъ нихъ въ трехъ шагахъ, на бобовомъ полѣ; на минуту чистый, блестящій и дрожащій лучъ освѣщаль все; потомъ на желтой полосѣ свѣта показался красный оттѣнокъ, потомъ голубой, затѣмъ блескъ достигъ такой силы, что ничего не было видно, кромѣ свѣта, а тамъ самый глубокой, самый густой мракъ ¹⁾.“

Только такое ясное и сильное воображеніе способно безъ труда оживлять неодушевленные предметы. Оно доводитъ умъ до необычайнаго возбужденія и авторъ бросаетъ излишекъ, всецѣло охватившаго его чувства, на предметы, которые ему представляются. Камни у него издають звуки, бѣлыя стѣны удлиняются и принимаютъ видъ огромныхъ привидѣній, темныя колодцы таинственно и глубоко раскрываются и образуютъ ужасныя пропасти; легіоны другихъ, дрожащихъ, существъ, кружатся въ фантастическомъ вихрѣ; пустыя мѣста населяются, мертвая матерія оживаетъ. Тѣмъ не менѣе изображенія остаются точны; въ этой несообразности нѣтъ ни пробѣловъ ни безпорядка; изображаемые предметы нарисованы съ тою же точностью въ частяхъ и съ такимъ же множествомъ подробностей, какъ существуютъ вещи на самомъ дѣлѣ, и сонъ стоитъ дѣйствительности.

У него есть, между прочимъ, описаніе вѣтра въ чудную, величавую ночь, напоминающее извѣстныя страницы изъ «Собора Парижской Богоматери». Источникомъ, какъ этого, такъ и другихъ описаній Диккенса служить ему чистое воображеніе. Онъ не описываетъ подобно В. Скотту, чтобы дать читателю географическую карту, чтобы показать топографію мѣстности, въ которой происходитъ драма. Онъ не описываетъ, подобно лорду Байрону, изъ

¹⁾ Въ подл. приведеніи тексты на англ. языкѣ, помѣщенные и у насъ въ особомъ приложеніи въ концѣ книги. Martin Chuzzlewit т. II, стр. 245 (см. прил. 1.)

пристрастія къ красота́мъ природы, изъ желаніи представить чудный рядъ грандіозныхъ картинъ. Онъ и не помышляетъ ни о точности, ни о выборѣ красотъ. Онъ воодушевляется, пораженный какимъ бы то ни было впечатлѣніемъ, и разрѣшается непредвидѣнными образами. То являются у него пожелтѣвшіе листья, гонимые вѣтромъ, которые кувыркаясь, дрожа и сбиваясь, растерянно несутся, прилипая къ полямъ, утопая въ лужахъ, цѣпляясь за деревья ¹⁾. То ночной вѣтеръ кружится вокругъ церкви, со стономъ хватаясь своими невидимыми руками за окна и двери, заполняя въ трещины, и, замкнутый въ этой каменной темницѣ, съ завываніемъ и плачемъ ищетъ выхода. «Напавшись въ при-
дѣлахъ, скользнувъ по колоннамъ и тронувъ большой, звучный
„органъ, онъ улетаетъ, чтобъ толкнуться въ потолокъ, и пробуетъ
„вырвать балку, откуда безслыно падаетъ на портикъ и, ворча,
„пропадаетъ подъ сводами. Но вотъ онъ незамѣтно возвращается;
„расползаясь, стелется вдоль стѣнъ. Кажется, будто онъ шопотомъ
„читаетъ эпитафій мертвымъ. Надъ нѣкоторыми онъ проносится
„съ провзительнымъ шумомъ, похожимъ на взрывы хохота; надъ
„другими онъ вричитъ и стонетъ, будто плачетъ“ ²⁾. До сихъ поръ вы только встрѣчаетесь съ мрачнымъ воображеніемъ сѣвернаго жителя. Немного дальше вы замѣчаете восторженное вѣрованіе революціоннаго протестанта, когда онъ говоритъ съ вами замогильными звуками, задерженнаго въ алтарѣ вѣтра, и дикимъ голосомъ плачется на людскіе пороки и на, обожаемыхъ людьми, ложныхъ боговъ. Черезъ минуту художникъ мѣняетъ тонъ, онъ васъ ведетъ на колокольню, и звуками словъ, которыми онъ васъ забрасываетъ, заставляетъ ваши нервы ощущать воздушную бурю. Вѣтеръ свищетъ и носится подъ сводами, въ зубцахъ и покривившихся, колоколенкахъ башни; онъ катится и путается по шатающейся лѣстницѣ; заставляетъ вертѣться скрипучій флюгеръ. Диккенсъ все это самъ видѣлъ въ старыхъ башняхъ; его мысль подобна зеркалу, отъ котораго не ускользнетъ ни малѣйшая, ни худшая подробность. Онъ присмотрѣлся къ этимъ, извѣденнымъ

¹⁾ Martin Chuzzlewit, т. 1 стр. 10. (см. прил. 2.)

²⁾ Chimes, стр. 5. (см. прил. 3.)

ржавчиною, желѣзнымъ периламъ; къ этимъ сморщившимся и скоробившимся свинцовымъ листамъ, издающимъ трескъ подъ попирающею ихъ ногою; къ разореннымъ, прилѣпившимся въ закоулкахъ заплесневѣлыхъ дубовыхъ досокъ, птичьимъ гнѣздамъ; къ пестрымъ паукамъ, лѣнливымъ и ожирѣвшимъ отъ долгаго спокойствія, которые, вися на паутинѣ, медленно качаются отъ дрожанія колоколовъ, и при внезапной тревогѣ или быстро, подобно матросамъ, взбираются вверхъ по своимъ снастямъ, или спускаются на землю, скоро-скоро перебирая своими воздушными двадцатью ногами, какъ бы спасая свою жизнь. Такая картина можетъ произвести впечатлѣнiе. Находясь на такой высотѣ, среди облаковъ, наводящихъ тѣнь на землю, за туманомъ вы едва видите слабый свѣтъ, у васъ кружится голова и, вмѣстѣ съ Диккенсомъ, вы готовы найти смыслъ и душу въ металлическомъ звукѣ колоколовъ, висящихъ въ этомъ развалившемся замкѣ.

На этомъ строить онъ свои романы, и не онъ первый. Диккенсъ—поэтъ; онъ чувствуетъ себя такъ же хорошо въ мiрѣ воображаемомъ, какъ и въ мiрѣ дѣйствительномъ. Тамъ у него колокола разговариваютъ со старымъ и бѣднымъ уличнымъ посыльнымъ и утѣшаютъ его. Въ другомъ мѣстѣ домовый сверчокъ воспѣваетъ прелести домашней жизни и вспоминаетъ разорившемуся хозяину о тѣхъ счастливыхъ вечерахъ, тѣхъ задушевныхъ бесѣдахъ, о добромъ старомъ времени, о тихомъ счастии, которыми онъ когда-то пользовался, и которыхъ нѣтъ у него теперь. Дальше исторiя больного, не по лѣтамъ развитаго ребенка; онъ чувствуетъ приближенiе смерти и, засыпая на рукахъ сестры, слышитъ далекую пѣснь ворчащихъ волнъ, которыя его не разъ убаюкивали. Всѣ предметы у Диккенса принимаютъ оттѣнки характеровъ его дѣйствующихъ лицъ. Его воображенiе такъ сильно, что увлекаетъ за собою все по тому же направленiю. Если дѣйствующее лицо счастливо—онъ заставляетъ быть такими же и камни, и цвѣты, и облака; если оно печально—вся природа должна плакать вокругъ него. У него говоритъ все, до послѣдней хижины. Онъ пробѣгаетъ, обыкновенно, черезъ цѣлый рой бредней и доходитъ иногда до самыхъ странныхъ причудъ. Вотъ молодая, хорошенькая и честная дѣвушка проходитъ по двору Фонгановъ,